

Культура. — 1997. — 1 марта. — с. 11

Континент Малая земля

ТОСТ-КРИТИКА

Позвольте Леонид Георгиевич, для начала просто поздравить вас с юбилеем, а говоря проще, с тем, что вам удалось сохранить силу духа, чувство юмора и здоровый стоицизм до самых нынешних пор, когда все это требуется человеку, особенно не слишком юному. И дай вам Бог хранить это и впредь — авось, малая толика перепадет и окружающим. А теперь позвольте перейти к части, так сказать, содержательной. Нет, не к панегирику. Скорее, к тосту за нашим общим праздничным столом на страницах газеты, которая всегда уделяла вам немало места. Впрочем, это будет не просто тост. Это будет попытка взглянуть назад, в прошлое, чтобы вернуться в день сегодняшний, а если удастся, то попробовать заглянуть и в будущий.

Мирон ЧЕРНЕНКО

И начать с творчества в целом. Так вот, ощущение первое — одному человеку это было не под силу, здесь без целого коллектива Марягиных не обойтись, ибо за то время, Леонид Георгиевич, что мы не были с вами знакомы, то есть с года одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого, когда вы дебютировали телевизионной новеллой "Арбузный рейс", до года одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого, когда мы встретились с вами на банкете по случаю премьеры картины "Дорогое удовольствие", вы поставили семь фильмов телевизионных, пять картин игровых, кинотеатральных и просто невиданное количество сюжетов для беспощадного рупора кинематографической сатиры в незабвенные застойные времена — киножурнала "Фитиль". И если сатира в этих короткометражках ночевала не всегда, то уж ирония, свойственной вам, там бывало в избытке. Что, замечу в скобках, привлекает к вам и как к личности.

Впрочем, позвольте, Леонид Георгиевич, перейти к вещам более возвышенным. Хотя никто из моих коллег этого мне не поручал, я готов повиниться и от лица всех кинокритиков, регулярно и в общем весьма положительно оценивавших каждую из ваших картин в отдельности, но точно так же не видевших в них главного — того, что, в сущности говоря, всю свою жизнь вы снимали один и тот же фильм, об одних и тех же людях. По своим ли сценариям, по чужим ли — многофигурную панораму российского провинциального быта, городской окраины, рабочего и прочего трудового народа, гордо именовавшегося "творцом истории", а по существу говоря, "лимиты", бесправной и безгласной, старающейся жить так, как жили деды и прадеды, пытающейся найти в себе самой ту силу, то чувство юмора, тот здоровый стоицизм, что единственно помогали всем нам выжить, состояться, сохраниться, остаться людьми при всех режимах и идолах.

Понятное дело, такое кино "наверху" нравиться не могло, хотя на первый взгляд в нем было все, чего требовала от "важнейшего из искусств" наша всемогущая эстетика. Было, но как бы портило духоподъемную картину народной жизни, которая требовалась от кинематографа. Для такого кино была даже особая терминология заготовлена, как бы извиняющаяся и извиняющая художника, его создающего, — бытописательство, мелкотемье, хотел написать — "окопная правда". И сегодня, думаю, мне, был в этом некий резон, некая правота, Леонид Георгиевич, ибо вы просто жили в

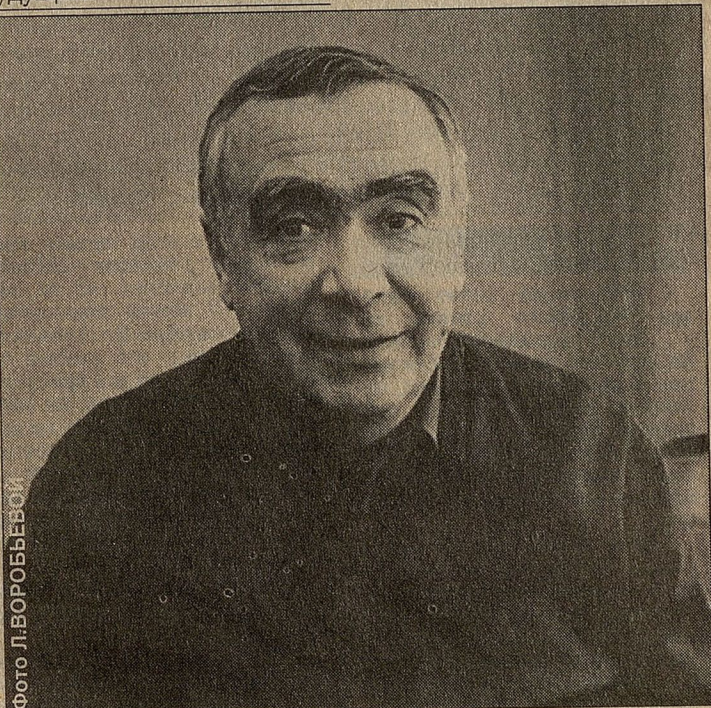

Фото Л. ВОРОВЫЕВ

разных мирах. И смотрели по-разному, и по-разному чувствовали, а потому по-разному и описывали. Просто вы искали вдохновение, героев, ситуации не в высях идеологического долженствования, уж простите за эту не свойственную нам обоим патетику, а внизу, на нашей грешной земле, откуда мы оба родом. Где здесь место высоким словам, лозунгам, транспарантам? Здесь, в мире коммуналок, бараков, "хрущоб", казавшихся вчерашней "лимите" просто дворцами после рабочих общезжитий, где, наконец, начиналась и шла дальше глубоко личная, малая, а значит, единственно возможная для нормального человека нормальная жизнь. И сегодня, в день юбилея, я рискнул бы назвать именно вас, а не вашего тогдашнего современника, автором эпопеи "Малая земля", одним из немногих антропологов и этнографов отечественного кино, в течение двух десятилетий открывавшего на пленке этот гигантский континент, густо заселенный соотечественниками. И, уж простите меня, Леонид Георгиевич, но только благодаря недлинному ряду немногих ваших коллег (а генеалогия ваша, сдается мне, тянется аж от "Третьей Мещанской" и "Окраины" до "Рабочего поселка") мы можем сегодня видеть воочию, вживе, без постановочной туфты, как жили на самом деле и наши предки, да и мы сами. При этом речь идет вовсе не о документальности кадра, не об антураже и реквизите — речь идет о том, что можно было бы назвать летописью жестов, мимики, походок, улыбок, реакций — всего того, из чего складывается человек на подсознательном уровне.

Только вслушайтесь сами в

эти простодушные и отнюдь не завлекательные названия ваших лент. "Про Клаву Иванову", "Моя улица", "Двое в пути", "День рождения", "Город невест", "Дорогое удовольствие", "Вас ожидает гражданка Никанорова"... Сплошные назывные предложения, за которыми могло скрываться все что угодно. Жанр выберите по вкусу, и каждый окажется впору, и каждый окажется недостаточным. Ибо будь вы, Леонид Георгиевич, только Миклухо-Маклаем нашего игрового кино, управляющимся в экспедицию к недалеким туземцам

за очередной экзотикой, вряд ли эти фильмы запомнились по прошествии столетий лет. Однако было в них нечто поверх быта — пронзительные чувства героев, время от времени остававшиеся сюжетом на полном скаку, оставляющие сценическую площадку взглядом, жестом, молчанию, бессвязным диалогом и монологом героев. Я помню такую сцену в телевизионной ленте "Вылет задерживается", снятой чуть ли не четверть века назад, не сцену даже, атмосферу ее, пульс, дыхание.

Верность этой поэтике, этой поэзии быта вы хранили целых два десятилетия, до самого конца восьмидесятых, когда кинематограф уже не мог жить без политики. И не ошибусь, сказав, что именно вы были тем, кто задумал и сделал с Виктором Деминим не только первую, но, пожалуй, и единственную нашу серьезную политическую картину о временах "большого террора" — "Враг народа — Бухарин", а затем и фильм об еще одной из самых трагических фигур отечественной истории — о Льве Троцком.

Об этом можно было бы говорить долго, подробно и обстоятельно, Леонид Георгиевич, а я еще не сказал ни слова о тех двух книжках из кинематографической жизни времен вашей юности, которые вы написали и умудрились издать в годы вынужденного режиссерского простоя. Но я боюсь, что тоста такой продолжительности не выдержит ни один стол, даже на страницах газеты. А потому оставим кое-что до следующего юбилея. Покамест же позвольте, Леонид Георгиевич, пожелать вам еще раз и счастья, и здоровья, и терпения...

85